

Глубокая, бесконечно долгая ночь.

У Се Цзыци онемели ноги, живот свело от голода, а на запястьях от веревок остались глубокие багровые следы. Лишь спина, как и прежде, оставалась неестественно прямой.

Вдруг послышался едва уловимый скрип — дверь отворилась. Кто-то приближался к нему.

— Значит, ты и есть тот красавец, которого третий спрятал в Саду Се, — произнес вошедший. В его голосе сквозило изумление.

Он окинул Се Цзыци внимательным, небрежным взглядом:

— А в тебе есть порода. Ну как, каково просидеть здесь всю ночь?

Губы Се Цзыци пересохли, но голос прозвучал так же чисто и холодно:

— В маленькой башне всю ночь слушаешь весенний дождь, а поутру в глубоком переулке продают цветы абрикоса. Какая безмятежность. Куда уж там вечно суемящемуся в погоне за славой и выгодой наследному принцу.

— Ты узнал меня.

Се Цзыци облизнул потрескавшиеся губы и едва заметно улыбнулся — улыбка была легкой, словно роса на лепестках абрикоса, и тут же исчезла.

В глазах наследного принца мелькнуло нечто похожее на одержимость, но он тут же сменил её на насмешку:

— Немудрено, что третий так потерял голову. И впрямь, роковая красота.

Принц рывком сорвал с лица Се Цзыци повязку и притянул его к себе:

— Открой глаза пошире и смотри внимательно. Посмотрим, сможешь ли ты теперь сохранять свое спокойствие!

Принц хлопнул в ладоши, и двое стражников ввели Су Ушана и Лю Цзию. Оба были связаны.

На лице Су Ушана виднелись синяки, в уголке рта запеклась кровь. Стражники заставили его опуститься на колени перед принцем, но он выпрямил спину и с презрением посмотрел на своего мучителя. Однако, переведя взгляд на Се Цзыци, стоявшего рядом с принцем, он не смог скрыть противоречивых чувств: изумление, тревогу, гнев и стыд. В конце концов, он отвел

глаза, не в силах смотреть на него.

Лю Цзию, войдя в комнату, сразу увидела своего учителя. Она не видела его много дней, и сейчас в её глазах читалась лишь радость. Она хотела броситься к нему, но стражник резко толкнул её, прижимая к полу. От боли в голени она охнула, но продолжала упорно смотреть на Се Цзыци.

Принц, глядя на них троих, рассмеялся:

— Кто бы мог подумать! Изгой клана Се умудрился перевернуть вверх дном весь Цзинхуа. Но жаль...

Принц помахал перед лицом Цзыци свитком, который был в девятой главе, а затем поднес его к пламени свечи. Глядя, как труды учителя превращаются в пепел, Лю Цзию побледнела и в стыде опустила голову.

Цзыци же, глядя на всё более разнузданного принца, оставался невозмутим.

— Се Цзыци, раз ты ещё хоть чем-то полезен третьему, я буду к тебе добр. Говори, кого из них двоих ты оставишь? Смотри внимательно: вот Су Ушан, будущий глава клана Су. Ради тебя он переметнулся ко мне, а потом из-за тебя же предал. Его жаль, но он не стоит того. А вот Лю Цзию, четвертый сын премьер-министра, стал твоим учеником и был тебе предан до конца. Достоин уважения, не правда ли? Будь я на твоём месте, я бы крепко призадумался.

Се Цзыци немного помолчал, а затем произнес всего одну фразу.

Принц в мгновение ока оказался перед ним, не веря своим ушам:

— Повтори!

Цзыци поднял голову и посмотрел на принца — ни тени страха, ни капли подобострастия, взгляд абсолютно спокойный.

— Ты не ослышался. Я хочу заключить с тобой пари: через пять дней тебя лишат титула наследника.

Принц посмотрел на него как на сумасшедшего.

Цзыци бросил на него равнодушный, полный презрения взгляд:

— Шестнадцать лет быть наследным принцем и бояться поспорить с изгоем, которого сам же и

презираешь? Ты стоишь не больше этого.

— Ты! Да как ты смеешь! — принц пришел в ярость и затрясся от гнева, указывая на Се Цзыци пальцем.

Он, наследный принц, стоящий выше всех, кроме императора, никогда не терпел подобного обращения. Его презирал изгой, его презирал человек, которого любил третий принц — это было так, словно его в лицо оскорблял сам третий принц, с которым он враждовал долгие годы.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — глаза принца налились кровью. — Если через пять дней я всё ещё буду наследником, то ты...

Се Цзыци прервал его:

— Если я проиграю, делай со мной что хочешь. Убивай, калечь — я не стану сопротивляться.

— Договорились, Се Цзыци. Помни, у нас пари на пять дней. Если пройдет хоть на час больше — я вырву твой язык.

Цзыци оставался невозмутимым. Он лишь коротко ответил:

— В течение этих пяти дней ты не смеешь тронуть ни единого волоска на наших головах.

— Запереть их вместе! А как только пройдут пять дней, я заставлю тебя испытать все восемнадцать видов пыток. Надеюсь, тогда ты будешь таким же твердым, как сейчас.

Принц в ярости взмахнул рукавами и вышел.

В комнате остались только Се Цзыци, Су Ушан и Лю Цзию.

Как только стражники ушли, Лю Цзию развязала учителя. Её глаза покраснели, она робко приблизилась к нему, не решаясь коснуться, и смотрела на кровавые следы от веревок на его запястьях.

Цзыци успокоил её:

— Всё хорошо. Ты справилась отлично.

Лю Цзию подняла голову, и слезы беззвучно покатились по её щекам:

— Учитель...

Цзыци мягко погладил её по голове:

— Не плачь.

Лю Цзию тихо всхлипнула, вцепившись в край его одежды, и не отпускала.

Су Ушан, стоявший в стороне, наблюдал за этой сценой. Удовлетворение, горечь, чувство вины — всё это переплелось в его душе, и он сам не мог понять, что чувствует. В конце концов, он смутился и не решился снова посмотреть на Се Цзыци. Он приехал в Цзинхуа, но, кажется, лишь добавил проблем.

Лю Цзию почувствовала эту тяжелую атмосферу. Этот человек — друг учителя, но его держат здесь как заложника. Очевидно, он очень дорог учителю, однако ведет себя холодно. Ей стало любопытно, и она захотела разрядить обстановку. Подавив легкую ревность, она спросила:

— Учитель, кто это?

При этих словах руки Су Ушана непроизвольно дрогнули. Он словно боялся услышать ответ.

— Мой близкий друг, с которым я готов разделить жизнь и смерть, — тихо произнес Се Цзыци. В его глазах мелькнула тоска, словно он вновь увидел того юношу в белых одеждах, скачущего верхом с копьём в руках через тысячи ли.

Су Ушан смотрел на Се Цзыци, не отрываясь. Через некоторое время он закрыл глаза, скрывая слезу, готовую сорваться с ресниц, и про себя вздохнул. Что-то внутри него наконец отпустило. Эта поездка в Цзинхуа не была напрасной. Даже если он умрет сейчас, сожалений не будет.

Открыв глаза, он посмотрел на Се Цзыци с ясным взглядом, подошел к нему и улыбнулся:

— Цзыци, мы так давно не виделись.

Лю Цзию почувствовала в этом невыразимую печаль. Спустя много лет, глядя на озеро в Саду Се, она невольно вспомнит это чувство.

На третий день после того, как Се Цзыци заключил пари, праздновали день рождения императора. Управление астрономии предсказало великое благоденствие.

Чиновники собрались во дворце Тайхэ, обмениваясь поздравлениями и желая императору долголетия.

Император, беседуя с шестым принцем, вошел в зал. В глазах сановников это было сигналом к новым расчетам и интригам.

— Шэн-эр, сегодня мой день рождения, я хочу сделать тебе подарок. Что ты хочешь?

Шестой принц Ли Шэн, не задумываясь, ответил:

— Я хочу сам выбрать себе учителя.

— Хорошо, я согласен. А что ты подаришь мне?

— Это секрет, я преподнесу его сам, — Ли Шэн покачал головой.

— Хорошо, хорошо.

Император сел на трон, и началось подношение даров. От девятого ранга до первого — с каждым разом подношения становились всё роскошнее. Десять тысяч мер зерна, картины с пожеланиями долголетия, драгоценные камни, кораллы — всё это рябило в глазах и вызывало изумление. Император лишь слегка кивал, на его лице блуждала слабая улыбка.

Длинный список подарков был скучен, и Ли Шэн начал зевать. Вдруг его за рукав дернул личный евнух:

— Ваше Высочество, подарок, который прислал Се Цзыци...

Не дожидаясь конца фразы, Ли Шэн радостно вскочил и выбежал из дворца. Евнух бросился за ним.

Под деревом стоял мужчина в зеленом одеянии. Увидев его, Ли Шэн разочарованно остановился. Это был Янчжи.

— Приветствую шестого принца, — Янчжи поклонился и протянул небольшой сверток. — Это подарок от Цзыци.

Ли Шэн тут же просиял, принял сверток и, разворачивая его, спросил:

— А где учитель?

Янчжи вспомнил, как после игры в го Цзыци исчез, а Павильон Цзы был закрыт для всех. Он следовал наставлениям Цзыци и никогда не заходил туда. Спустя десять дней, в назначенный срок, он открыл парчовый мешочек. Там было сказано забрать сверток из-под окна кабинета и,

когда премьер-министр отправится поздравлять императора, пронести его во дворец и передать шестому принцу.

— Цзыци больше нет в резиденции премьер-министра.

Ли Шэн страшно расстроился и, сжимая сверток, поплелся обратно.

Янчжи окликнул его и передал свиток:

— Это подарок императору от одного бедного ученого. Прошу, помогите его преподнести.

Ли Шэн кивнул и ушел. Вернувшись на место, он услышал, как евнух объявляет:

— Следующий дар: Поминание племянника, написанное в ночной дождь, работы Се Сичжи...

На лице императора отразился восторг. Наследный принц и третий принц обменялись взглядами: принц выглядел торжествующе, а третий принц загадочно улыбнулся.

Наследник удивленно посмотрел на него, и тут евнух продолжил:

— ...преподносит третий принц.

Наследник впился глазами в евнуха, не веря услышанному.

Император нетерпеливо воскликнул:

— Несите сюда!

Евнух почтительно подал свиток. Император, едва не встав с трона, поторопил его:

— Осторожнее!

Евнух пошел ещё медленнее, с величайшей осторожностью приближаясь к государю.

Все замерли. Когда император взял свиток и начал изучать его как величайшую драгоценность, наследный принц вдруг подал голос:

— Отец, эта картина — подделка.

Все были в шоке, лицо императора помрачнело. Все посмотрели на третьего принца, но тот оставался невозмутимым. Он обратился к наследнику:

— Брат, с чего такие выводы? Неужели...

Третий принц многозначительно посмотрел на наследника, и тот вскочил:

— У меня есть доказательства! Я тоже преподнес Поминание племянника, написанное в ночной дождь, работы Се Сичжи. Мой свиток — настоящий!

Третий принц протянул: О-о-о. Наследник указал на евнуха:

— Читай дальше!

Евнух под взглядами сотен глаз дрожащим голосом прочел:

— Следующий дар: Поминание племянника, написанное в ночной дождь, работы Се Сичжи... преподносит наследный принц.

Все уставились на свитки. Тот, что принес наследник, явно отличался — он состоял из предисловия, картины и каллиграфии.

Оба свитка лежали на столе перед императором. Он сравнивал их, то и дело возвращаясь к изучению. Каллиграфия на обоих была божественной, невозможно было решить, какая лучше.

Помимо Лю Уцзи, который стоял бледный как полотно, все сановники вытягивали шеи, чтобы увидеть чудо. Лю Уцзи обливался холодным потом, думая, что третий принц сошел с ума. Отдать подделку наследнику и выставить всё напоказ — какой скандал! Что он пытается сделать?

Пока все разглядывали свитки, Ли Шэн рассматривал свой сверток. Внутри были листок с каллиграфией, кисть, тушь и горсть земли. Он недоуменно смотрел на них, не понимая смысла.

Тем временем император закончил осмотр. Даже его зоркий глаз не смог отличить подделку.

Он посмотрел на принцев:

— Где вы взяли эти картины?

Третий принц и наследник в один голос ответили:

— У одного монаха.

Наследник замер, глядя на брата.

Император кивнул:

— Верно. Эти свитки принадлежали императорской семье прежней династии. После её падения один из принцев унес их в народ и, говорят, принял монашество. Об этом знал только я.

Император обратился к сановникам:

— Кто из вас может сказать, где подлинник?

Лю Уцзи, знавший правду, невольно взглянул на третьего принца и встретился с его холодной усмешкой. Он тут же опустил голову ещё ниже.

В это время на улице Чжуцзюэ в Цзинхуа гарнизон, стоявший в пригороде, внезапно ворвался в город и направился к дворцу.

А во дворце всё ещё продолжались танцы и музыка.

В зале Тайхэ император обвел взглядом чиновников — никто не вышел вперед. Все знали: император обожает работы Се Сичжи, и никто не осмелится хвастаться познаниями в них перед ним.

Император был разочарован.

Вдруг встал Ли Шэн:

— Отец, я знаю.

Император удивился:

— Шэн-эр, откуда?

Ли Шэн спокойно ответил:

— Я слышал от одного потомка Се Сичжи, что для своих работ он использовал особые материалы. Они не горят в огне, а подделки превращаются в пепел.

Император посмотрел на свитки, сомневаясь:

— Ты уверен?

Перед глазами Ли Шэна встала картина: кабинет в резиденции премьер-министра, Се Цзыци сжигает свиток, а тот остается невредимым. Учитель тогда сказал, что именно так ведут себя подлинники Се Сичжи, и среди них есть этот.

Ли Шэн взглянул на лежащие перед ним кисть, тушь и землю и серьезно кивнул.

Император расхохотался:

— Хорошо! У моего сына есть характер!

Картина Се Сичжи не стоила и мизинца такого сына.

Под оба свитка поднесли свечи. Пламя коснулось бумаги — все затаили дыхание, даже наследник. Лишь третий принц бросил взгляд на двери зала.

В мгновение ока свиток третьего принца превратился в пепел, а свиток наследника остался цел. Все остолбенели.

Наследник тут же возомнил себя победителем и, злорадно усмехнувшись, указал на третьего принца:

— Ты посмел принести отцу подделку! Это оскорбление императора, тебя нужно навсегда изгнать из столицы!

Третий принц опустился на колени:

— Отец, покарай меня! Я не доглядел и в день твоего рождения допустил такой позор. Я готов принять любое наказание.

Сановники смотрели на наследника и качали головами — ни капли достоинства наследника престола. Взглянув на третьего принца, они вздыхали: такой талантливый, но теперь он потерял всякий шанс.

Лишь Лю Уцзи, глядя на коленопреклоненного третьего принца, чувствовал себя как на пороховой бочке. Что он задумал? Его свиток был настоящим, но сторел, а картина наследника — подделка, нарисованная Се Цзыци, — уцелела. Лю Уцзи был на грани безумия.

Император погладил уцелевший свиток, взглянул на третьего принца без прежней теплоты, холодно и предупреждающе:

— Ничего, вставай. Впредь будь внимательнее.

Затем он подозвал шестого принца:

— Шэн-эр, какую награду ты хочешь?

Ли Шэн покачал головой и достал из рукава свиток:

— Отец, это подарок от одного бедного ученого.

Император пробежал глазами текст и поразился. Там было три стратегии управления государством. Он едва начал читать, как спросил:

— Где этот ученый?

— За дверями дворца.

— Позвать его!

Янчжи вошел, и император тут же пожаловал ему чин старшего советника, велел сесть рядом с шестым принцем и осыпал похвалами. Император снова потянулся к картине Се Сичжи.

Вдруг он почувствовал острую боль в сердце. Он схватился за стол и увидел, что его ногти почернели. Император обмяк и повалился на пол.

Наследник остолбенел. Третий принц тут же вскочил и указал на стражников:

— Вы шестеро, бегом за лекарями на императорском паланкине! Живо!

Только после его окрика все пришли в себя.

Вскоре прибыл придворный лекарь. Третий принц остановил его поклоны:

— Скорее, осмотрите государя!

Лекарь коснулся пульса, его лицо исказилось от ужаса. Под давлением сановников и третьего

принца он прошептал:

— Это яд.

— Какой яд? Когда он был принят? Есть ли противоядие? — засыпал его вопросами третий принц.

От потрясения кровь ударила императору в голову, пульс стал ещё слабее. Лекарь посмотрел на посиневшее лицо государя и покачал головой:

— Противоядия нет. Это страшный яд, действует мгновенно. Смерть наступит через час. Похоже, он передается через прикосновение к предметам...

Третий принц в ярости указал на наследника:

— Ты отравил свиток!

Зал охнул. Наследник лишь твердил:

— Я не травил отца!

Лекарь дал императору пилюлю, и тот смог вымолвить:

— Сколько мне осталось?

Лекарь рухнул на колени:

— Минимум три дня, максимум пять.

Император тихо хмыкнул, обвел взглядом прячущих глаза сановников, испуганного наследника, спокойного третьего принца и остальных сыновей, в глазах которых не было скорби, лишь тревога. Напоследок он посмотрел на шестого принца, выдавил слабую улыбку, а затем его взгляд остановился на наследнике.

Император дрожащим пальцем указал на него:

— Негодный сын... на колени... как ты мог... — он закашлялся, захлебываясь кровью.

Наследник рухнул на пол, рыдая:

— Отец, я невиновен!

Император с трудом прохрипел:

— Лишить... титула... вон...

<http://bllate.org/book/19854/1954664>